

ЮЛИЯ СТАРШОВА

Красивый Александр

Юлия Игоревна Старшова

Красивый Александр

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23310216

Аннотация

«Урод должен знать свое место! Урод должен довольствоваться тем, чем его наградила судьба...» – там думает главный герой романа, совершенно некрасивый молодой человек, облик которого вызывает отвращение. Александр живет скромно и тихо со своей родной бабушкой, учится в институте и, как по злому року, влюблен в белокурую соседку Алёну. В жизнь Александра то и дело проникает магия, но он старается не придавать ей значения. Пока однажды не случается совсем неожиданное и немыслимое...

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДО.	5
1	5
2	11
3	16
4	19
5	26
6	30
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Я расскажу вам историю о человеке с весьма необыкновенной судьбой. Не стану лгать, что история моя основана на реальных событиях, но и не существует ни единого доказательства, что является она вымыслом. А ведь вся жизнь – вымысел самой жизни. Импровизированный либо заранее обдуманый – неважно.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДО.

1

Имя главного героя повествования – Александр. Александр Николаевич Пражский. Назвала его так бабушка, и именно ею он и был воспитан, так как мать Александра покинула земной мир довольно рано. Про отца своего Александр тоже доподлинно ничего не знал, да и не интересовался, так как ему казалась, что все, что связано с его родителями, окутано тайной.

Мама Сашеньки умерла, когда ему было года полтора. Про её смерть Александр также почти ничего не знал. Бывало, когда он все же затевал разговор на эту тему, бабушка мгновенно менялась в настроении и толком ничего не отвечала. Так что Александр отказался от идеи копаться в истории своего происхождения.

С самого его появления на свет матерью для него была Анна Владимировна – его родная бабушка. Растила она мальчика не в строгости, но и не баловала, старалась как можно больше времени посвящать образованию, совершенствованию и духовному развитию своего единственного внука. Она любила Александра светлой, ласковой любовью и всегда смотрела на него открыто и прямо, улыбаясь, но, однако,

что-то, словно сомневающееся было в ее глазах. Наверное, уже в достаточно взрослом возрасте, Александр понял, что за кусочек странного, скрытого неодобрения был во взгляде Анны Владимировны и понял, почему так долго в детстве бабушка прятала от него зеркала.

Помнится ему один случай, который то и дело является страшным сном.

Юный Сашенька остался дома наедине с самим собой, собирал сложную мозаику, которую подарила ему бабушка, и сказала собирать ее, пока она не вернется с рынка. На тот момент Саше было уже года четыре и, надо признаться, что малыш был смышлен. Смышлен настолько, что можно было б назвать его гением. Он легко читал, писал, складывал и вычитал, прекрасно рисовал, иногда даже сочинял четверостишия, а также быстро заучивал непростые стихи. Так что мозаика, которую он собирал в тот день, превратилась в симпатичную картину достаточно быстро. А бабушки все еще не было. Не было и намека, что сейчас она должна вернуться. Александр постоянно предчувствовал возвращение Анны Владимировны. Так сложилось, что и интуиции у нашего героя было не отнять. Он мог сказать, что скоро придут гости и действительно через считанные минуты в дверь стучали. Не обязательно гости, но кто-то наносил визит.

Анну Владимировну это не удивляло. Наличием хорошей интуиции кого-кого, а женщину, тем более зрелую женщину, точно не удивишь!

Саша поглядел на собранную мозаику – выглядела она чудесно. На ней был изображен мальчик, бегущий за огромным воздушным красным шариком и широко улыбающийся.

Краски были нежными, яркими, но в меру – рисунок был прорисован до мельчайших деталей. . Александр смотрел и дивился. И в этот момент ему в голову пришла неплохая мысль: «Нужно скрепить мозаику скотчем и удивить бабушку! Да! И мы даже повесим ее на стену!»

С придыханием и оживлением маленький Александр практически вприпрыжку подошел к письменному столу и достал скотч.

– Так, так, так... – милым голоском говорил Саша сам с собой. – А где же ножнички? Ножничкиии, – шутливо позвал их мальчик. – Без вас мне никак не справиться!

Он поочередно выдвигал ящички стола и пытался найти нужный предмет.

– Эх, где же они? Может быть здесь? – Сашенька увидел небольшую сумочку, на вид совершенно полную.

Он расстегнул ее и заглянул внутрь. Это была косметичка. И, конечно, в ней хранилось множество различных вещей. Саша бережно отодвинул не слишком знакомые ему предметы в поисках необходимого, и в этот миг солнечный луч почти заходящего солнца упал на крошечное зеркальце. Александр осторожно вынул его. Затем посмотрел в него...

Маленький Саша ужаснулся отражению, которое представило ему маленькое зеркало. Лицо, которое показало ему отражающее стекло, было даже не отвратительным, а хуже! Настолько хуже, что малыш от страха отбросил взятую вещь. Оно не разбилось, а покатилося по полу. Мальчик продолжал сидеть, дрожа от непонимания. Дыхание сбилось.

«Что за странная штука? – подумал Сашенька, и даже в мыслях слова его прыгали и путались. – Она искривляет лица!»

– Нужно проверить! – твердо решил малыш.

Забыв о задуманном, Саша вбежал в ванную комнату, где было единственное зеркало, но тут же малыш впервые заметил, что висело оно настолько высоко, что даже бабушке пришлось бы встать на подушечки пальцев ног, чтобы увидеть себя в нем. Сашенька метнулся за стулом.

Мальчик очень волновался, его ладони потели, а во рту, наоборот, было очень сухо; комок странного не то горчичного, не то вовсе незнакомого вкуса застрял в гортани.

Малыш поставил стул, поспешно взобрался на него, но никак не мог дотянуться до цели. Даже привстав, не дотянулся бы. Выход был один – снять зеркало с гвоздя и убедиться в правде.

Маленькими руками, с испуганно бьющимся детским сердцем, Саша снимал зеркало.

Когда оно полностью оказалось во власти юного Александра, малыш решительно взглянул в него, не успев слезть с табуретки, и это сделал совершенно зря, так как увидел там не свое отражение, а морду демонического уродца, которому не хватало только рогов, чтобы сойти за прислужника дьявола. Малыш уже не от испуга, а от шокирующего осознания потерял самообладание, слетев со стула, издал жалобный стон и выронил зеркало из влажных ручонки. Стекло, несомненно, разбилось на десятки таких же, которые преумножили одно ужасающее, противное, мерзкое, отталкивающее лицо в несколько раз.

.....

Саша лежал в ванной комнате без чувств, окруженный мелкими острыми кусочками, в то время как в замочной скважине повернулся ключ.

Анна Владимировна, зайдя в дом, ласково позвала внука, но ни отклика, ни звуков движения она не услышала. Женщина заволновалась.

– Саша, где ты?

Полуразутая, бросив все, что было в руках, будто заранее предчувствуя неладное, она торопливо заглянула в комнату, что была единственной в квартире. Взор ее упал на собранную воедино картину.

– Саша!

Встретив взглядом причину беды – зеркало, Анна Владимировна словно враз осознав произошедшее, бросилась в

ванную комнату.

– Саша, Сашенька, что же ты? Родной мой! – упав рядом с мальчиком, лепетала женщина и держала ребенка за крошечную голову.

Истерично ощупывая малыша и стараясь оказать помощь, Анна Владимировна как безумная повторяла имя внука. Наконец поняв, что действия ее тщетны и безотчетны, бабушка мальчика рывком подбежала к телефону и осевшим от уже выступивших слез и ужаса голосом вызвала скорую помощь.

Приехавшие на удивление быстро врачи, противореча нескончаемым громогласным уговорам Анны Владимировны действовать скорее, спокойно зашли в ванную. Женщина специально оставила внука там, чтобы при возможном переносе мальчика в комнату, не нанести ненароком какую-нибудь травму.

– Господи! Что это? – отпрянув назад, неожиданно для самого себя сказал врач, увидев лицо мальчика.

– Что? Что? Упал он! – кричала бабушка. – Пожалуйста, отвезите нас в больницу. Я боюсь его потерять! Я не могу его потерять! Ангел мой!

Врач в недоумении скорчил гримасу.

– Ангел!– с еле заметной усмешкой процедила медсестра, и врачи переглянулись.

Но Анна Владимировна ничего не замечала. Ни слов, ни ухмылок, ни косых субъективных взглядов.

.....
Ничего страшного с маленьким Сашенькой не произошло. Видимо, судьба любила его и, кроме небольшого ушиба на голове и пары ссадин на локтях, врачи более ничего не обнаружили, но, несмотря на это, решили оставить его

на час-другой, чтобы провести необходимую процедуру для укрепления организма и снятия шока.

В тонкую, слабую руку ребенка доктора вонзили достаточно большую иглу, которая зашла правильно не с первого раза. Маленький Александр давно пришел в себя, но не разговаривал и даже ни о чем не успевал думать, пребывая в новой для себя обстановке и наблюдая за врачебной суетой. Единственное, что малыш отчетливо слышал, так это слово, которое доходило до него неизвестным сладким голосом: «Чудовище! Чудовище!»

Медсёстры и доктора шептались, бросали брезгливые взгляды, которые иногда Саша успевал улавливать, но не придавал им никакого значения из-за нехорошего самочувствия и малого возраста. Один молодой врач даже позволил себе непозволительную дерзость, которую, к его счастью, никто не заметил. Зайдя в палату и долго смотря на Сашеньку, он прошептал: «Боже, как же хорошо, что жена родила мне красавицу дочь! Как же хорошо!»

Этого не слышал никто, кроме самого Саши. На что он отреагировал открытием глаз и пристальным взглядом на врача. Как только взоры их столкнулись, врач испуганно, словно со смертью столкнувшийся, задом выбежал из палаты. Мальчик, сам того не желая, провалился в тревожный сон.

Хрупкий, худенький, прикрытый тонкой простыней Са-

шенька проснулся через час.

Анна Владимировна сидела рядом с постелью внука, давно успокоившаяся, смотрела в одну точку, совершенно не тая никаких мыслей. Она не сочиняла никакой легенды для Саши, не крутила в голове объяснений – просто сидела, что, казалось, и вправду на стене остался темный след от ее взгляда.

– Бабушка, – слабо протянул Саша.

Анна Владимировна очнулась и подняла на него глаза:

– Да, милый. Хорошо поспал? – она улыбнулась.

Малыш осторожно привстал, чтобы игла в его руке не извернулась и не причинила ему боли, и ответил:

– Да, бабуль, хорошо. Что это? Что со мной?

Бабушка присела рядом с внуком прямо на постель.

– Ну что? Все хорошо, ты ничего не повредил. – Она ласково гладила его по голове.

Малыш отвернулся:

– Я не об этом. Скажи....скажи, что с моим лицом?

Анна Владимировна вздохнула, опустила взгляд. Ей нечего было ответить. Такова задумка природы. Но она не могла сказать малышу именно так!

Сашенька, будто мгновенно уяснив суть ее растерянного взгляда, сказал:

– Бабуль, только говори со мной как со взрослым! Что это? Я болен? Почему такая странная кожа? Отчего это все?

– Нет, милый, что ты! Ты не болен! – успокаивала его Анна Владимировна.

– У нас в доме почти нет зеркал... Это ведь не зря? Ты видела, как смотрели на меня врачи?

– Когда людей не касается беда, они относятся к ней с пренебрежением и отвращением. А если познали похожее несчастье, то с жалостью. – ответила бабушка.

– Несчастье? Со мной что-то произошло, когда я был совсем маленьким?

– Нет. Я не знаю, малыш... – на глазах Анны Владимировны снова заблестели капельки, но Саша, на удивление был спокоен.

– Что же тогда?

– Родной мой. Я не знаю, как Господь раздает людям красоту; мы никогда не сможем понять многого, с чем нам приходится мириться.

Сердце мальчика просило пустить его вон. Сашенька понял, что даже не существовало причины его уродству, а если и существовало, то, видимо, никто о ней не знает: он просто был таким. Но, если он сам себе противен, то какого другим? Пока юный Александр думал об этом, бабушка продолжала:

– Ничего, Сашенька. В жизни главное, что у тебя здесь и здесь, – она поочередно ласковыми движениями руки прикоснулась к лысоватой голове мальчика и его левой стороне

груди.

– Да, – ответил он. – Я посплю еще немного, хорошо?

– Да, да, конечно, да... – залепетала Анна Владимировна и опять заплаканная, расстроенная вышла из палаты.

Но Саша не собирался, да и не мог спать. На него горой нависала собственная мерзкая тень отражения и со смехом заявляла ему, что в жизни как раз то, на что указала Анна Владимировна, может оказаться далеко не самым важным.

– Уйди прочь! Уходи, я не боюсь тебя! – негромко, но решительно сказал Сашенька отвратительной тени.

Малыш осознал, что эта тень исключительно его гостья и никто, кроме него ей был не интересен, а значит, никто ее и не видел. И уже тогда совсем еще юный Александр понял, что его жизнь не будет похожа на жизнь обычную, что будет в ней нечто загадочное и сопротивляться этой загадочности он не собирался.

Анна Владимировна занималась внуком самостоятельно: время и средства ей позволяли. Во всей округе ребят одного возраста с Сашей не было, а друзья, приходившие к бабушке, настолько привыкли к Сашеньке, что уже не смотрели на него как на недоразвитого чертенка.

Правда, что ужасное и противное не проигрывает во внимании красоте и изяществу. Откуда так много зевак на месте страшной аварии? Что люди хотят увидеть? Жаждут каких сцен? Откуда так много посетителей в музее заспиртованных уродцев?

В далеких столетиях люди с физическими отклонениями пользовались немалым спросом в цирке, зрители их ждали с нетерпением, их хотели видеть, рассматривать, смеяться над ними, показывать пальцем или просто ужасаться их несравнимому облику.

И, конечно, ввиду понятных причин Сашенька обучался дома. Вся школьную программу ему преподали учителя, которые приходили к нему лично. Юный Александр беспрекословно выполнял все требования учителей и из раза в раз желал сделать даже больше, чем нужно.

Со всеми он был учтив и вежлив, всегда улыбался своей почти зверской, перекошенной улыбкой, отчего мелкие,

неровно «разрезанные» красноватые глаза становились еще уже, и без того широченный нос расплывался практически по всему лицу!

Он был отвратителен, вызывал чувство брезгливости, вопреки своей чистоплотности.

После взгляда на него хотелось быстрее бежать к первому же источнику теплой воды и смыть с себя все воспоминания от встречи с ним, хотя Александр даже и не думал ни до кого дотрагиваться. Он был умен и объективен, прекрасно понимая, что внешность его весьма тошнотворна. Тем не менее, ни разу в жизни не было ни одной секунды, когда б он захотел освободить мир от своего существования. Он был ужасен внешне, но внутри, там, где хранится душа, Саша был самой справедливостью, светочем своего времени, хоть и не догадывался об этом.

Анна Владимировна, как могла, уберегала внука от жестокого внешнего мира, но, увы, этой сильной защите суждено было прекратиться. Стервозность жизни Александр начал чувствовать, когда пришло время получать высшее образование. Какое учебное заведение мог выбрать человек с ярко-выраженными чертами характера, полными доброты и справедливости?

Юридическое. Стать хорошим судьёй, уберегая хороших

людей от злых посягательств негодяев – мечта Александра. Однако ей преграждали путь многие обстоятельства.

Редко видел мир таковым, каков он есть, ориентируясь преимущественно на книги, Александр, поступив в институт, был, мягко говоря, смущен. Ему было непонятно, о чем говорят окружающие люди; что они делают, для чего, и какие принципы ими движут. Также, если о дружбе и вражде он лишь читал в романах, то теперь Александру более или менее становилось ясно, что это за состояния. Но он был собой, не стеснялся самого себя, не изменял устоям.

Мораль, за неимением родной, была ему матерью. Александр вел себя достойно;

держался одиночкой. Каждый день он слышал шептания вокруг себя, но настолько привык к ним, что уже и не представлял бы себе жизнь без них.

Достаточно много времени прошло для Александра относительно хорошо. Он только и делал, что учился, пока все студенты удачно создавали наиболее приятные союзы и устраивали себе увеселительные мероприятия далеко не высококультурного содержания. Почти никто не старался задеть Александра лично, указать на его ужасающую внешность – все просто держались от него подальше и не более того, а Александр делал то, для чего пришел в учебное заве-

дение.

Картина изменилась на заключительном, пятом курсе института.

Вместе с Александром на одном курсе учился один юноша – Данилин Никита. Человеком он был непростым. Видимо, все с детства было ему позволено, и эта избалованность прямо-таки сочилась из него и изливалась в соответствующую ауру. И с девушкой встречался себе подобной – Гришиной Катей. Вместе они стали непотопляемым кораблем необоснованной самоуверенности, вседозволенности и мотовства. Они могли спокойно прогуливать занятия, просиживая их в кафе, за дорогим кофе или роллами, не беспокоясь за обучение – все тылы у них были прикрыты высоким положением их родителей. Так, оба эти человека по злобной своей натуре просто ненавидели Александра. Они считали, что он не достоин учиться в учебном заведении вместе с ними, и из раза в раз пытались это доказать своими колкими замечаниями.

Их неприязнь показала свое лицо после нелепого случая.

Шла самая обыкновенная лекция, которая может идти в юридическом ВУЗе. На первой парте, впрочем, как обычно, сидел Александр и внимательно записывал за преподавателем сложную тему. У сидевшей сзади Кати Гришиной, которую в этот раз угораздило сесть позади Пражского, закончились чернила в ручке. Лекция непростая, преподаватель требовательный и неподкупный – писать нужно, деваться неку-

да. Она шепотом спросила у всех кого можно запасную, но ее не было ни у кого. Обычная студенческая ситуация. Подруга, сидящая рядом с ней, указала пальцем в спину Александра и сказала:

– Спроси у него.

– У кого? – сморщилась Гришина. – Ты рехнулась?

– У него – то точно есть! У него всегда все есть... – саркастически заметила девушка.

– Не издевайся, а. – Гришина закатила глаза. – Если он хоть на градус сюда повернется – меня вырвет утренним мок-ачино.

«Разговоры прекратили!» – послышался строгий приказ преподавателя.

Девушки замолчали, а после того как преподаватель продолжил читать лекцию, засмеялись в полголоса.

– Я лучше ногтями царапать на тетради буду, чем ручку у него спрошу.

Девушки снова засмеялись.

– Что происходит там? Может кто-то хочет вести лекцию за меня? Гришина, пожалуйста, выходите, мне будет интересно Вас послушать, и я как раз отдохну, – сказал преподаватель.

– Нет, нет, – улыбаясь, ответила Гришина, – я в поисках ручки, моя закончилась, и ни у кого нет.

– В аудитории в сто человек ни у кого нет ручки? Одолжите Гришиной кто-нибудь ручку, и дочитаем уже, в конце

концов, лекцию! – возмутился преподаватель.

Александр, конечно, был первым, кто захотел это сделать. Он открыл свой портфель, из которого виднелись около десятка запасных шариковых ручек, достал две из них, и протянул Гришиной.

Аудитория замерла. Ситуация выглядела нелепо: Александр протягивал то, о чем просила девушка, а та, вытаращив на него свои огромные зеленые глаза, брать предлагаемое не собиралась.

– Гришина, мне кажется, вы очень много привлекаете к себе внимания! Берите уже наконец-то ручку и продолжаем работать. Вы нигде не найдете того, что я вам сейчас диктую.

– Она не возьмет ее, – крикнул с задней парты Никита. – Это ниже ее достоинства. Правда, Катя?

Катя, словно ждала именно этой поддержки от своего возлюбленного, взмахом кисти, ударила по руке Александра, в которой были ручки и они полетели в разные стороны.

Возникла пауза.

– Что за ересь? Здесь вам не школа! Сколько вам лет, ребята? – преподаватель в недоумении повысил голос.

– Сколько есть, все наши, – крикнул Данилин, спускаясь уже с задних рядов.

Он направлялся к Александру, до сих пор непонимающе-му что происходит.

– Данилин, сядь на место! Данилин! Да что же

это!!!!!!!!!!!!!! ВСЕМ ЗАНЯТЬ СВОИ МЕСТА! – надрывался преподаватель.

Его никто не слушал и даже почти не слышал. Все взгляды были прикованы к Данилину, который самодовольно направлялся к Саше. Гришина улыбалась. Чувствовалось оживление. Чувствовалось приближение чего-то интересного.

– Так! я к директору! Он вам устроит экзамены. Он вам покажет! Студентами еще зовутся! – с такими причитаниями преподаватель выбежал из аудитории.

– Слышь, урод! – обратился Данилин к Александру. – То, что тебя до сегодняшнего дня не трогал – совершенная случайность и, как я вижу, бесполезная. – Данилин сел на край парты Александра.

Тот, несомненно, хотел избежать скандала:

– Я ничего не сделал.

– Не сделал! Не сделал он! Да ты вообще знаешь, кто я? – вскочила уже с места Гришина. – Тебе известно, недоносок ты чертов?

– Нет, мадемуазель. Мне неизвестно. – Александр хотел встать и уйти, но Данилин остановил его ударом в грудь:

– Ты не пойдешь никуда. Пока препод спускается с пятого этажа за директором, объясняет всю суть дела и поднимается обратно, у меня есть время показать тебе заслуженное место. – Было ощущение, что Никита каждое слово процеживал сквозь два передних зуба.

– Расколоти ему морду, Никит, – крикнул кто-то из сту-

дентов.

– Ты его морду видел, мне даже плевать в нее противно! – ответил Данилин. Он схватил тетрадь и ударил ею по лицу Александра.

Саша спокойно вытерпел удар.

– Господа... – хотел начать он.

– Господа, господа, – передразнила его Гришина. – Нет, вы слышали? Пошел вон, урод! Мне вот не противно! – она рьяно подлетела к нему и смачно плюнула Саше в лицо.

Он утерся. Ему не хотелось ни спорить, ни обороняться. Ему хотелось просто уйти.

– Сядь, Катерин, – отстранил ее в сторону Данилин.

– Никит, может, хватит этого цирка? Вас накажут, – сказал Иван Осипов, единственный товарищ Александра.

– Ой, ой, ой, смотрите-ка, кто у нас записался в герои, – наигранно ответил Данилин и замахнулся на него тетрадью. Иван зажмурился и пригнулся. – Закрой свою пасть, а то и тебе достанется. Накажут? – Данилин засмеялся. – Это вас жизнь наказала, придурки!

Александр был решительно настроен уйти. Он резко встал.

– Пойдем, – сказал он Ивану.

– Я сказал вы не пойдете никуда, – толкнул его Данилин.

– Урод! – кто-то выкрикнул из аудитории.

– Хватит! – вдруг крикнул Александр. Все замолчали. – Я знаю, что я урод. Да такой урод, каких свет не видел. Но

что из этого? Что я сделал? В чем я виновен?

– Ахахахахаха! – вновь рассмеялся Никита. – Ты хочешь прочитать нам проповедь о том, что главное то, что у человека в душе. Увы. Мы не в том месте. В чем ты виновен, придурок, я объясню тебе сегодня в семь. Чтобы ты сегодня приплелся к кафе «Закат» на Московской своими кривыми ножками! – Данилин начал изображать походку Александра, шоркая и медленно передергиваясь. – Понял меня? И только подумай не прийти. А сейчас пошел вон! Быстро!

Александр встал. За ним поднялся и Осипов. Данилин дал им пройти, но когда Александр спускался со ступени, сильно ударил его ногой в спину. Саша упал. Аудитория еще больше пропиталась хохотом. Больно ударившись, он не выдал своей боли, поднялся, и они вместе с Иваном, наконец, покинули эту адскую аудиторию.

Товарищи молча спускались по лестнице. Выдерживая паузу, они думали о случившемся. Первый нарушил молчание Иван.

– Почему ты не ответил ему? – спросил он.

– Мне даже не хотелось. Они сами не ведают, что творят. – Ответил Александр.

– Саш, ты не Иисус Христос!! Да и время сейчас совершенно другое. Хватит уже вести себя так, будто ты святой!

– Нет, я не святой. И не стремлюсь им быть. Просто мне никогда не хочется ни драться, ни ругаться, что я могу поделать с этим?

– Оооооооооой, – протянул Иван. – Ты невыносим, ей-богу! Пойми, здесь или ты или тебя. Нельзя так! Вечно только принимать оскорбления, никак на них не отвечая.

– А как можно?

– Да, я понимаю, не мне тебя учить, я и сам трус еще тот, да и слабак! Но я хотя б пытаюсь как-то обороняться от этого всеобъемлющего злодейства, а ты просто подставляешь щеки! Эта дура плюнула в тебя! Плюнула! Да как это можно стерпеть? – негодовал Иван.

– Да ладно, Вань. Она не дура, просто молодая и амбициозная натура.

Иван фыркнул.

– Ты говоришь, словно тебе сто лет! Тебе что даже не противно?

– Противно? – Александр чуть обнажил свои некрасивые кривые зубы. – Нет, мне даже немного смешно. Я сравниваю это с детским садом. Иногда мне и правда кажется, что я учусь не высшем учебном заведении, а по ошибке зашел в детсад, да меня туда еще и зачислили по ошибке. – Саша тихо посмеялся.

Иван его не совсем понимал.

–.....да еще в ту группу, где дети только-только начали говорить и лопочут не пойми что, достают содержимое горшка и кидаются им друг в друга. – Александр снова посмеялся. – Ты же не кинешься с засученными рукавами на маленького ребенка, который подлетев к тебе, обозвал матным словом, сам, возможно, не осознавая смысл сказанного?

– К чему ты клонишь? Какой детсад? Мы на пятом курсе института. Всем по двадцать лет! Даже чуть больше! – продолжал возмущаться товарищ Александра.

– Ну, двадцать двадцати рознь.

– Прекрати. Хочешь сказать, что они просто дети? Да если б взрослый человек, сделал бы то же самое....

– Взрослый бы человек так не сделал, – Александр неожиданно для себя прервал реплику Ивана.

Тот нахмурился и вопросительно посмотрел на ужасное лицо своего однокурсника, на котором от удара тетрадь еще рдела бесформенная щека с многочисленными рубцами

от подростковых угрей.

– По крайней мере, без весомого повода, – добавил Александр.

Они снова замолчали.

– Ты очень странный, – сказал Иван. Возможно, я когда-нибудь пойму тебя.

– Никто никогда никого не поймет, ведь никогда не будет на его месте.

– Мне почему-то не очень хочется философствовать сейчас. – Иван сделал акцент на словах «почему-то» и «сейчас», и произнес всю фразу с легкой иронией, дабы показать Александру, что тот весьма холоден к произошедшей ситуации. Но Саша лишь снова слабо улыбнулся.

Они уже давно стояли около выхода из института и разговаривали. Иван вздохнул.

– Как ты думаешь, Данилин сказал серьезно про то, чтобы ты был сегодня в семь около кафе? – спросил он.

– Мне думается, он был весьма серьезен. Я пойду туда, так нужно.

– Кому нужно?

– Как же кому? Если вопрос не решен, значит нужно его решить.

– Ты думаешь, он может адекватно решать проблемы? Да еще если и истеричку свою притащит туда, то точно быть беде. Не пойдем! – заявил Иван.

– Ты не пойдешь, конечно. А я пойду. Нужно с честью

носить мужское имя.

Иван недоуменно посмотрел на Александра и скривил лицо.

– Ты точно псих, – сказал он.

– Может быть и так.

– И все же я бы не советовал туда ходить.

Они разошлись, не пожав рук. Хотя Иван и поддерживал с Александром товарищеские отношения, касаться его он не торопился, а Саша и не настаивал. «Урод должен знать свое место, как и каждый на Земле!» – считал он.

Осипов вернулся на занятия, как только Александр скрылся из вида.

Александр брел домой, шурша осеннею листвою, накиннув на себя капюшон, дабы как можно меньше привлекать к себе внимание. Хотя, наверное, уже почти каждый в небольшом городе знал его и узнавал по походке. Люди не уставали шептаться при виде него, и иногда, проходя мимо какой-нибудь парочки, до него доходили обрывки их фраз: «Посмотри.....него....волосы... мерзость...»

Сегодня не было исключения. Его не было никогда. Ко всему прочему, Саше мешала тень, которая явилась в тот далекий день, когда он отчетливо увидел себя в зеркале. И эта тень, сохранив почему-то детский облик, но имея дьявольское нутро, считала нужным чуть ли не каждый день посещать Александра.

«Чудовище! Чудовище! Ты никогда не будешь счастлив! Ты проклят» – насмеялась она над ним.

Александр даже иногда переговаривался с ней, но часто оставлял ее без внимания. Он даже порывался записаться на прием к психологу, чтобы избавиться от гостыи, но решил, что из-за оригинальности случая психолог затем нужен будет самому психологу и оставил эту затею. Тем более, он по неясным причинам считал свою гостью проявлением чего-то мистического, а не психического.

.....

Почти подойдя к дому, Александр остановился, чтобы еще раз вдохнуть свежий прохладный осенний воздух. В это время из подъезда многоквартирного дома поспешно вышла она. Алена Добронравова. Замечательная девушка, молодая и весьма симпатичная. Не красавица, чтобы мужчины забывали о том, чем заканчивается говоримая ими фраза, а сверстницы копировали образ, но уж очень приятной наружности блондинка. И что греха таить – Александр был влюблен в нее даже сверх своих безобразных ассиметричных ушей.

– Здравствуйте, – сказала она ему.

– Зд..дддрааа...вствуйте! – заметно заикаясь, поприветствовал Саша девушку.

Алена улыбнулась широкой белоснежной улыбкой, в которой только один верхний зуб стоял вне ряда, и что было неимоверно мило. Скорее всего, девушка считала таковую деталь изъясном, но она придавала ей некий шарм.

– Чудная погодка! – сказала Алена.

– Да, – согласился Александр. – Мне тоже нравится. – И только после того, как Алена ушла, он понял, что настолько был опьянен столь неожиданной встречей, что сказал эту фразу про себя, и понял, почему она так загадочно посмотрела на него, хихикнула и ушла.

«Почему она так мила со мной?» – думал он, поднимаясь по лестнице и глупо улыбаясь. Он забыл обо всем на свете: о Данилине и Гришиной, их несносном поведении, о назна-

ченной встрече, которая, между прочим, не пророчила ничего хорошего.

«Нет, нет, я даже не должен думать об этой девушке. У нее просто достойное воспитание, и она мила со всеми. Так и есть. Ни больше, ни меньше. Есть же люди, которые терпимо относятся ко мне. Вот Ваня – добрый малый, дружит со мной, так и Алена не боится заглянуть мне в лицо. Просто добрая душа».

Его мысли прервало появление постоянной гостьи – ужающей тени отвратительного лица, которая на этот раз с каверзным хохотом нагло спрашивала:

– На что ты надеешься, чудовище мерзкое?

Никогда не познать тебе тела женского!

– Кыш! – замахал руками Александр, развеивая свое же лицо. – Вот пристала! Еще и стихами заговорила.

Тень с воем и смехом растворилась в воздухе.

Наверное, удивительно будет узнать, но вспоминая и думая об Алене, Александр еще ни разу не принял во внимание плотское удовольствие. Да, интимная сторона отношений существует в мире, витает в воздухе, окутывая фимиамом и дурманя практически все головы на своем пути, но для Саши такой аспект бытия существовал просто как знание. Он знал, что это где-то есть, что это делают и это вроде бы многим нравится, что занимает немалую долю в жизни.

ни, однако к себе Александр отношения подобного рода не примерял и просто-напросто не думал о них. Не то, чтобы он пресекал мысли на корню – этих мыслей, как ни странно, даже не возникало.

И, наверное, такое положение дел в его чудной голове здорово помогало ему жить.

Хотя, скорее всего, где-то глубоко-глубоко, одна не всегда замечательная вещь, но часто здорово выручающая, по имени «Подсознание» навсегда заблокировала возможность рассуждения на тему физических удовольствий, какие только могут быть между противоположным полом, дабы исключить всяческие моральные и физические мучения, связанные с указанным вопросом и дать волю полезным думам.

.....
Александр был наполнен противоречивыми чувствами и раздумьями. Так что перед тем, как зайти домой, он постарался очистить разум – взять и, хотя б ненадолго, все случившееся за последний час – забыть, дабы не заносить сор в избу.

– Привет, бабуль, как дела у тебя? – как можно веселее спросил Александр с самого порога.

Только при своей любимой бабушке молодой человек мог спокойно улыбнуться, не пряча ни ужасных кривых зубов, ни растекающегося по всему уродливому лицу носа и сужающихся глаз, которые принимали не то смешную, не то отвратительную форму в сочетании со всеми изменениями его лица, которые происходили, когда Александр улыбался. Да, есть случаи, когда улыбка не украшает человека, а совершенно наоборот, превращает лицо в рожу, а и без того отталкивающее лицо Александра превращалось вмиг в морду зверя.

– Привет. – Анна Владимировна улыбнулась. – Хорошо, как всегда. Быстрее проходи, я наготовила всего...сегодня какое-то особое настроение.

«А у меня особенный день» – подумал Александр, а вслух сказал:

– Ну и прекрасно, может это из-за чудесного свежего осеннего воздуха?

Анна Владимировна быстро накрывала на стол, ставя простые, но вкусные закуски и блюда.

– Скорее всего, – сказала она, улыбаясь. Я нахожусь в том возрасте, когда погода особо влияет на самочувствие.

– Прекрати постоянно говорить про свой возраст. И куда ты столько наготовила? – удивился Саша. – Ты же знаешь, я так мало ем! Впрочем, как и ты.

– Кушай, кушай. Говорю же, сегодня хорошее настроение и самочувствие. А куда мне, старой кляче, девать силы, кро-

ме как на хозяйство?

– Опять ты за свое! Никакая ты не кляча! Зрелая женщина... расцвет сил, так сказать.

Анна Владимировна засмеялась. Добро и глубоко. Ей было невыразимо приятно слышать такие слова от внука, хотя она и понимала, что он просто ее успокаивал. Имея в паспорте дату, которая не дает забыть, что тебе за семьдесят, не оставляет надежды, что ты проживешь еще столько же. Да что говорить – не светит и половина этого.

– Приятного аппетита, – пожелала Анна Владимировна.

– Спасибо! И тебе приятного аппетита, – ответил Саша.

– Как у тебя дела? Было сегодня что-нибудь интересное? – спросила бабушка.

В мыслях Александра весь день промелькнул в мельчайших подробностях, вплоть до запаха, что витал в воздухе при каждом происходящем событии, он мягко улыбнулся и сказал:

– Да ничего, бабуль. Все как обычно.

Анна Владимировна мельком взглянула на настенные часы, чуть удивившись, заметила:

– Ты сегодня раньше на целый час.

У Александра екнуло сердце, забегали крошечные красноватые глаза:

– Так получилось. Просто преподаватель решил отпустить нас пораньше...ему кто-то позвонил...срочная встреча ...

– Да? – будто усомнилась Анна Владимировна.

– Ну да.

Возникла небольшая пауза в разговоре, которая возникала при общении у всякого человека, когда понятно, что каждый собеседник думает о своем, анализируя уже сказанное.

– А что у тебя со щекой? – наконец-то заметила бабушка, слегка прищурившись.

– Где? – словно не понимая, о чем идет речь, спросил Саша.

– Да вот же! – прикоснулась она рукою к его лицу.

– Не знаю... может, обветрило. Ты же знаешь, у меня кожа всегда на все реагирует по-разному.

– Хм. Первый раз слышу. Ты что-то недоговариваешь мне? – спросила Анна Владимировна.

– Бабуль! Ну что я могу тебе недоговаривать? – риторически спросил Александр. – У меня никогда не было от тебя секретов.

Анна Владимировна ласково посмотрела на внука, как будто ждала именно этих слов и улыбнулась снова. Она и подумать не могла в чем-то подозревать Сашу, когда он всю жизнь был невероятным молодцом, и ей даже внутри себя стало стыдно, что она усомнилась в правдивости его ответа.

А секреты есть у всех. Александр соврал впервые. До сегодняшнего дня, он не скрывал от Анны Владимировны ничего. Хотя про жуткую тень, посещающую ее внука, она все же не знала. Как не знала она и про его восхищение соседкой, хорошенькой блондинкой Аленой. Так впервые соврал

он или нет? Считать ли то, что человек не говорит, ложью?

У Александра были, несомненно, свои причины. Во-первых, сказать бабушке про то, что приходит какая-то рожа, как раз с того дня, как он разбил зеркало в ванной в далеком детстве; приходит и смеется над ним, как будто у нее вся жизнь только для этого и создана – глупо! Бабушка забеспокоится. Она просто-напросто не воспримет этого так, как он хотел бы. Наведет врачей, психологов, психиатров, невропатологов!!! Будет жуткая суета, а в результате не будет результата (в этом юноша был невероятно уверен), кроме как измененного отношения бабушки к нему. Начнет считать она внука идиотом. Или шизофреником. Смотря какой диагноз поставят доктора. Во-вторых, говорить о своих чувствах, которые неизвестно даже под какую попадают категорию, к Алене – так же глупо! Он невероятный урод! Об этом знает и он сам, и бабушка в том числе. Как бы она его ни любила, он не очень б хотел знать, как она отреагировала на то, что ее безобразный внук влюблен в самую симпатичную леди, которая только может жить на Земле. Может, конечно, и не самую симпатичную, но для него так. Что Анна Владимировна может сказать ему? Ничего. А правду он знает сам. Сладостную ложь или, того хуже – утешения, слышать он не желал.

И то и другое, что таил Александр, прятались под оди-

наковой причиной – страхом за спокойствие бабушки. Ей и так было достаточно за всю жизнь. Взять на себя ответственность за воспитание внука после похорон родной дочери, всю жизнь мучиться с уродливым мальчиком, ловить на себе презренные взгляды и непонимающие ухмылки прохожих, врачей – дорогого стоит. Так что обременять любимого и единственного родного человека своими несерьезными (как считал Саша) проблемами было лишнее. Если бабушка будет думать, что у него всё хорошо – она будет гораздо лучше себя чувствовать.

– Спасибо, бабуль. Очень вкусно. И как только ты умудряешь так вкусно готовить? – сказал Саша после того, как закончил обедать.

Он был рад, что тема его покрасневшей щеки и раннего возвращения была исчерпана.

– Опыт, милый, опыт, – довольно ответила Анна Владимировна. – И, конечно, душа. Главное в приготовлении любого блюда – это добавление частички души.

– Мне думается, это главный ингредиент в приготовлении жизни, – ответил Александр.

Они улыбнулись друг другу.

Александр помогал бабушке убрать все со стола после обеда. Он много делал по дому, считая это своим долгом. Не считал постыдным и уборку, и мытье посуды, стирку, глажку

белья, а если был свободный день, он готовил пищу, что тоже получалось у него довольно хорошо. Он понимал, что Анна Владимировна стала совсем слабой и без помощи ей никак не обойтись, а ему было не сложно помочь, и многое даже нравилось. Например, выдумывать всяческие причудливые рецепты. Простые, но, в то же время оригинальные, отличающиеся или манерой исполнения, формой или украшением, или добавлением какой-либо смеси приправ, что рождала неповторимый аромат и оттенок ранее неизведанного вкуса. У него даже была своя книга рецептов. Самым любимым первым блюдом Александра был борщ – насыщенно бордовый. Саша так часто его готовил, что даже цвет свеклы не всегда успевал сходить с его некрасивых скрюченных рук, а окружающие иногда думали, что необычный цветовой нюанс на кончиках пальцев Александра – часть его неудавшейся внешности. Его жене могло бы здорово повезти с мужем, если бы существование у Александра жены было возможным.

7

Раздался мощный удар в дверь. Родные переглянулись.

– Что это? – спросила Анна Владимировна.

– Сейчас посмотрю. Похоже на то, что кто-то перетаскивает мебель и случайно задел...

Но удар повторился. И повторился снова. Пока Александр шел к двери, в кухонное окно на неестественной скорости врезалась птица и камнем упала вниз.

– Дурной знак! Дурной знак! – крикнула Анна Владимировна и подлетела к окну. – Предвещание смерти!

– Бабуль, хватит. Просто сумасшедшая птица, – успел сказать ей Александр до того как посмотрел в дверной глазок. Там никого не было.

Юноша спокойно открыл дверь, и, увидев «его», отступил назад в холодном ужасе.

– Что там? – взволнованно поинтересовалась бабушка, выбежав в коридор.

Александр закрыл дверь. Отталкивающее лицо быстро покрылось холодными каплями пота, а гримаса ошеломления не добавляла ему привлекательности.

– Там что убили кого-то? – не терпелось узнать Анне Владимировне, хоть и побледневшей от страха, но мучавшейся от любопытства. – Открой.

Александр, не переча ей, распахнул дверь.

На полу, издавая противные звуки и, тянув друг друга в разные стороны, извивались крысы, сцепленные кончиками хвостов. Это необыкновенное явление встречалось в литературе под названием «крысиный король», но явных доказательств его существования не были обнаружены.

– Господи! Боже Иисусе! Что это? – постоянно крестясь, спрашивала Анна Владимировна.

Крыс было порядка девяти штук. Они переплетались, пищали, наваливались друг на друга и даже пытались откусить

себе хвосты, но путая свой с чужим, создавали новую малоприятную для зрелища возню.

– Закрой дверь!! – скомандовала бабушка. – Что это за тварь? Господи, Господи!

– Это «крысиный король». О нем иногда упоминалось в мифах.

– Какой еще король?

– Крысиный.

– Да слышала я! – Анна Владимировна была сама не своя от леденящего ужаса. – Такая тварь не могла образоваться сама!

– В литературе говорится... – начал Александр, которого самого трясло от ужасающего удивления.

– Забудь уже литературу. Там вечно пишут всякий бред безумные люди! Это чья-то злая шутка. Но кто мог связать, Господи, этих крыс??????? Нет, это невозможно! – Анна Владимировна постоянно крестилась, а потом и вовсе бросилась к иконам, спрашивая чего же ей ждать.

– Успокойся, бабуль. Все хорошо, – пытался привести ее в чувство Александр. – Я прогоню его.

– Кого ты прогонишь? – спросила бабушка, будучи уже в слезах. – Не вздумай. Не мы «это» принесли, не нам и уносить.

– Но его нельзя так оставлять.

– Ты еще скажи, что нужно каждую эту отвратительную тварь отцепить от другой отвратительной твари, накормить

и пригреть до наступления лета?

– Я тоже, Анна Владимировна, тварь отвратительная, – впервые он назвал бабушку по имени и отчеству, – но, тем не менее, мы живем с тобой под одной крышей и едим за одним столом. И спасибо тебе за это.

– Что...ты...говоришь...? – губы Анны Владимировны задрожали с невероятной силой и она, откинувшись на спинку стула, впала в громогласное рыдание, которого никогда ранее себе не позволяла. По крайней мере, при Александре.

Молодой человек быстрым шагом пошел на кухню и нашел там прочный пакет.

«Боже мой! – думал он, – крысиный король! Откуда он только взялся? Я всегда считал, что это выдумка прежних лет. Или это что-то мистическое? Или, возможно, они сплелись хвостами в тесной норе, а сейчас каким-то образом вырвались оттуда». Александр снова открыл дверь и глядел на непонятное явление. Крысы продолжали копошиться, создавая весьма неприятное зрелище. Они пищали то жалобно, то неистово, возмущаясь таковым своим положением. Сложно представить, как бы поступили мы, если увидели на пороге своего дома такое гадкое сплетение грызунов.

Но Александр был твердо уверен, что его нужно убрать. Ведь «король» мог напугать людей, живущих в доме, и, чувствуя ответственность за их возможный ужас, принялся за дело.

У него был пакет. Что дальше? Как вынести существо наружу и что делать с ним дальше? С комнаты их однокомнатной квартиры продолжали доноситься всхлипывания Анны Владимировны. Сердце Александра было беспокойно – он хотел ринуться утешить бабушку, так близко к душе принявшей все эти странности, и нужно было сделать то, что он хотел.

– Сашенька, я прошу тебя, не трогай их! – протянула Анна Владимировна.

– Бабуль, я быстро. Хотя б нужно вынести их на улицу.

– Твоя добродетель погубит тебя когда-нибудь!!! – ответила бабушка, не решаясь подойти снова. Жуткий вид находившегося на пороге существа или существ не позволял ей этого сделать.

– Так, так, так... – приговаривал Александр, думая как же лучше начать свое действие.

Он расправил пакет как можно шире и накрыл им крыс – те запищали еще сильнее. Нужно было положить их внутрь, и, что может показаться странным, юноша голыми руками, не боясь ни укуса, ни самого прикосновения к гадким животным, начал осторожно проталкивать их в пакет. Крыс было девять: одна больше другой, словно разобранный матрешка. Шерсть их была тускло-серая, с каким-то мокрым отливом, что придавало им еще больше мерзости. И они, словно зная, что им желают помочь, не сопротивлялись.

Крысы всегда считались одними из умнейших животных.

– Так-то лучше, – сказал Александр и направился с этим злополучным пакетом к выходу.

Крысы продолжали извиваться и дергаться, издавать неприятные звуки. Весь пакет ходил ходуном. Александр думал о том, откуда же могло явиться такое существо, и пытался найти научное объяснение. Даже если они сплелись в тесной норке, будучи совсем малышами, то, как же потом они вырвались наружу? Прежде чем пойти к выходу, он осмотрел все около своей входной двери и дверей соседей по лестничной клетке. Особенно он осмотрел дверь Алены Добронравовой, ведь обнаруженные существа могли ее сильно напугать. Но Александр ничего не нашел, ни единого намека на нору, на хоть какое-нибудь место, где могло б образоваться, а потом еще и выкарабкаться оттуда настолько необычное животное, точнее выразиться, скопление животных. Странно, но молодой человек совершенно не ощущал отвращения к тому, что обнаружил. Можно сказать больше – он испытывал чувство жалости к крысам, так как они были сплетены хвостами и не могли позволить себе свободы, не могли даже нормально кормиться. Каждый их писк Александр воспринимал как молитву о помощи и почему-то на уровне психики, считал, что помощь им должен оказать именно он, тем более что обнаружил их первым, скорее всего, он. Пока Александр спускался с лестницы, он уже далеко зашел в своих мыслях по поводу происхождения того, что нес в пакете и размышлял о том, как можно расцепить бедных несчастных

животных. Однако на ум мало что приходило.

Если он начнет их касаться голыми руками, то крысы примутся кусать его, а это не приведет ни к чему хорошему, ни для них, ни для него самого. Нужно было придумать что-то более разумное.

О, бедный Александр! Он никак не мог смириться с тем, что разумность в жизни, во всяком случае, его жизни, практически отсутствовала. Александр легко забывал обиды и оскорбления, не обращал внимания на многие людские недостатки и душевные изъязны; постоянно в своих мыслях защищая многих людей и оправдывая их скотское поведение то молодостью, то плохим настроением, то особенностью склада ума или характера. Саша никогда не роптал на природу и Господа Бога, что родился некрасивым. По сути, он даже в какой-то степени был этому рад. Отсутствие привлекательного внешнего облика помогало сконцентрироваться Александру на полезных вещах: учебе, более того, на хорошей учебе, он каждую минуту старался совершенствоваться и учиться чему-то новому. Он экономил достаточно времени, игнорируя вечную гонку за абсолютным совершенством.

.....
Выйдя на улицу, в самый центр двора, Александр первым делом увидел двух пожилых дам, сидящих около дома, и уважительно поздоровался с ними.

– Здравствуй, здравствуй, – последовал недоверчивый от-

вет, и взор женщин упал на шевелящийся пакет. Дамы нахмурились, переглянулись, но ничего не сказали, просто проводив Александра взглядом.

Александра бегло посетила мысль о том, что будет, и какие слухи пойдут, если эти дамы увидят зрелище с ним в главной роли, вытряхивающего из плотного пакета девяти-рых сплетенных крыс? Страшно вообразить. Он-то к этому никак не причастен, но, тем не менее, его непричастность недоказуема. Александру все равно, что подумают и что скажут, его совесть всегда была чиста, однако, позволить, что на Анну Владимировну (что порой так дорожила общественным мнением) будут криво смотреть, он не мог. Учитывая обдуманнные выше факты, он отошел как можно дальше, чтобы выпасть из поля зрения присутствующих людей, наконец-то положил пакет на землю и, как будто приглашая, тихо сказал:

– Выходите!

Каково было удивление Александра, когда из пакета спокойным, но торопливым шагом вышли все девять мокро-серых животных, и по росту встали полукругом около него. Молодой человек, сам того не замечая, сделал шаг назад.

– Что это? Как? – сказал он не то сам себе, не то тем, кого видел перед собой.

Крысы свободно шевелили хвостами, которые еще мину-ту назад были сплетены в тугой узел, и смотрели на своего спасителя. Так что же могло произойти? По грубой коже

Александра пробежалась мелкая дрожь. Послышалось слабое пение. Александр посмотрел по сторонам, но ничего не увидел, однако, когда повернулся вновь, встретился лицом к лицу со своей вечной гостьей. Своей злосчастной тенью.

– Аааааа, – протянул он. – И тут без тебя не обошлось.

Молодой человек был спокоен и не обращал внимания на мистическую сторону ситуации. Слово все, что происходило, было в порядке повседневных вещей. Его не пугали явления такого рода – он воспринимал их уже как часть своей жизни. Теперь более или менее все вставало на свои законные места. Эти крысы были устрашающим элементом, своеобразным подарком от его ужасающей мистицизмом полупрозрачной тени с его детским лицом. Только зачем она это делает, чего хочет добиться от него? Можно было бы подумать, что ее явления были только нарушением его психики, последствием шока в раннем возрасте: такое объяснение было самым реальным, и Александр иногда сомневался в самостоятельном существовании тени и заключал, что она – плод его воображения. Но что происходит сейчас? Что за отблески сумасшествия? Девять крыс стоят вокруг него, рядом порхает малоприятная рожа, напевая незнакомые мотивы, стараясь как можно больше уstrasить свою жертву. Но Александру не страшно. Вместо страха он ощущает жажду знания : ему нужен ответ! Наверху в квартире находится его родная, любящая и любимая бабушка, которую нужно успокоить – она сильно перепугалась. Мысли бегали и путались.

Но некрасивое лицо нашего героя оставалось безмятежным. В этой ситуации был, на взгляд Александра, парадокс. Если тень видел только он, то, скорее всего, и подарок от нее в виде «крысиного короля» тоже должен был видеть только он. Почему же Анна Владимировна тоже его видела? Значит всё не так просто и всему должно быть объяснение!

– Не обошлось! – усмехнулась тень. – Будьте любезнее со мной, Александр Николаевич.

– С какой стати? – возмутился Александр. – Ты всего лишь плод моего воображения, я могу общаться с тобой как захочу, – сказал он, чтобы послушать ее ответ и сообразить так ли это на самом деле.

– Как бы не так! – рассмеялось видение. – Еще кто для кого является плодом воображения... Нужно хорошенько подумать, – лицо призрака немного изменилось в странной наигранной гримасе.

«Так. Этот ответ еще ничего не дает! Элемент подсознания так бы и ответил» – подумал Александр. Он уже начал нервничать, так как смеркалось: ему нужно было зайти домой, чтобы успеть поговорить с Анной Владимировной, а потом встретиться с Данилиным. Пропускать эту встречу, как он считал, ему не следовало.

– Ты все хочешь знать ответ? – с притворной улыбкой спросила тень. – Не беспокойся, в конце ты все узнаешь!

– В каком еще конце? – недоуменно спросил Александр. – Жизни?

Тень снова рассмеялась.

– Не совсем. Но я вижу, ты еще не готов.

– Да к чему же? – хотел знать Александр.

– Когда будешь готов, узнаешь...

Александр нахмурился. Опустил взгляд на землю, где изогнутым рядом стояли крысы, а они словно этого ожидая, синхронно вытянулись, Александру даже показалось, что они все вместе издали смешок, и далее разбежались абсолютно в разные стороны.

– Что ты говоришь? – спросил Александр свою частую гостью. – Хотя, что это я? В самом деле. Разговариваю с ней!!!! Не приходи больше! Отстань от меня! Не хочу тебя видеть! – Александр сделал несколько шагов и поспешно направился к дому.

– Не хочешь видеть? – чуть обиженно ответила навязчивая собеседница, преграждая ему путь.

Александр поднял руки и принялся отмахиваться от нее. Молодому человеку очень повезло, что его двор был пуст, иначе люди столпились бы неподалеку и наблюдали интересное, но не очень привлекательное представление. Конечно, был шанс, что кто-то наблюдает за ним из окна, но Александр об этом не успевал думать.

– Я могу стать невидимой, если так желает Ваше Величество! – продолжало видение.

– Прекрати! Я и слышать тебя больше не хочу. Не мучай меня! – Александр не желая того чуть было перешел на крик, но осознав это, затих.

– Ты гонишь меня?

– Гоню, гоню. Невозможно жить с тобою!

– Ах! Как такой добрый человек может гнать безобидное существо с детским лицом?

– Да потому что ты.....ты.....– оборвал сам себя Александр, поняв, что вышел из под собственного контроля, и решил просто не продолжать эту таинственную беседу. Пусть говорит, что хочет, пусть приходит, если желает – видно, такова его участь.

– Я даже знаю, о чем ты думаешь. Если я так тебе мешаю, я могу больше не приходить. Я даже понимаю тебя. Живи, как знаешь. Я не враг тебе, хоть и веду себя порой нехорошо, но у меня просто такой юмор...прости уж.

Александр молчал. Он уже торопливо поднимался к себе в квартиру. Он всегда ходил пешком по лестнице, дабы укрепить свое здоровье и выносливость.

– Ты хорошо подумал? – вновь спросило его собственное маленькое лицо.

Но юноша снова молчал, как будто сам не знал, желал ли он или же нет исчезновения своей гостью, ведь он невыразимо сильно к ней привык. Он хлопнул дверью и закрыл ее. Больше от своей тени он не слышал ни слова. Никогда. Далее Александр даже удивлялся, почему прогнать ее было на-

столько просто. Хотя каждый день снова ждал ее появления и не верил, что она больше никогда не покажет своего лица. Но почему-то она не появлялась.

Уверенность в том, что Александр принадлежит к какому-либо избранному кругу, что он не такой, как все, укрепилась. После случившегося, Саша подумал, что зло не абсолютно и непостоянно, и что если его жизнь всегда отдавала трагизмом и мистикой с темной стороны ее проявления, то когда-либо придет момент чуда, которое может изменить ему жизнь.

.....

– Ты долго. – Были первыми словами Анны Владимировны, когда она увидела внука. – Мой скорее руки после этих... Зачем ты вообще с этим связался?

Анна Владимировна уже успокоилась, но было заметно покраснение на веках ее мудрых глаз. Александр взглянул на нее, и его сердце метнулось подстреленной птахой. Как же она была слаба. Зачем он и, правда, пошел относить эту живую связку на улицу? Нужно было остаться дома. Хотя нет. Он даже сам не знал, как правильно. Тщательно помыв руки до самих локтей, он подошел к Анне Владимировне и обнял ее. Она приняла его объятия и прильнула к нему головой и всем корпусом. Она настолько привыкла к внешности Александра, что воспринимала его как обычного человека, с самой обыкновенной кожей, глазами, с обычной искренней улыбкой, хотя в глазах чужих людей он выглядел иначе. Со-

вершенно иначе.

– Прости, прости, бабуль, – сказал Александр.

Анна Владимировна вздохнула.

– Тебе не за что просить прощения. Ты все правильно сделал. Это нужно было убраться. Все любят перекладывать ответственность в руки других людей. Отсюда и поговорка: у семи нянек дитя без глазу.

Она задумалась.

– Только вот откуда это взялось? Я никогда про такое не слышала! Что ты там говорил про литературу? – продолжила бабушка.

Александр отошел от нее, сел на стул и сказал:

– Я уже успел подумать насчет ее появления. Это поистине весьма необыкновенно, – начал он, словно забыв, что произошло на улице, хотел объяснить все с научной точки зрения, потеряв из вида всю загадочность прошедшей ситуации.

– В литературе говорится, что существование крысиного короля опирается только на рассказы очевидцев. Обычно его находили уже мертвым и гадали о способе его возникновения. Вообще, все источники указывают в большей мере на мифическое существование этого скопления.

– Я даже в мифах никогда не встречала ничего подобного, – устало ответила Анна Владимировна. – И все же, это какое-то дурное предзнаменование!

– Нет, все будет хорошо.

– Да еще и эта птица, – протянула бабушка, думая о своем, еле-еле слыша внука.

Юноша поднял глаза на настенные часы. Время пробежало, словно гонимое ветром в спину. Стрелки показывали половину седьмого. К семи ему нужно было успеть к кафе, до которого было как раз полчаса ходьбы.

Александр практически не пользовался общественным транспортом, так как (как мы можем догадаться) все внимание пассажиров было фанатично посвящено ему. Александру уже было все равно, он привык к таким навязчивым взглядам, однако шокировать лишний раз людей не хотелось. А своего автомобиля за ненадобностью, да и недостатком средств, у Александра не имелось. Как и не было у него сотового телефона. Он всегда был очень пунктуален, Анна Владимировна всегда знала, когда вернется ее внук. Друзей у него не было, за исключением товарища по институту Ивана Осипова, и с ним-то он общался только в учебном заведении.

Итак. Уже нужно было выходить из дома на встречу с Данилиным, которая даже неизвестно к чему может привести. Но идти нужно. И Александр не боялся идти. Единственная проблема – что сказать бабушке? Он всегда был при ней, либо в институте и она точно знала, где он и какое у него расписание вплоть до названия предметов. Что же сказать ей сейчас? И почему все странности случились в один день? Наверное, так происходит практически всегда. Если день не удал-

ся, то не удался во многом и наоборот!

Александр нахмурился. Больше всего ему не хотелось лгать. Тем не менее, ложь была единственным выходом спокойно покинуть дом. Если он скажет правду, то разразится громом еще один скандал, а он точно никому не пойдет на пользу. Торопливо перебрав все лучшие варианты, Александр вымолвил:

– Бабуль, мне нужно встретиться с Ваней. Он просил одолжить ему учебник на вечер.

Анна Владимировна вопросительно поглядела на внука. За продолжительное время обучения Саша никогда не выходил из дома, чтобы встретиться с каким-либо товарищем. А товарищ был у него один. Иван Осипов. Между тем, не заметив ничего предосудительного, она спросила:

– Ты надолго?

– Нет, – ответил внук, сам в то не веря. Что будет происходить на этой встрече, да еще по такому глупому поводу, он и представить не мог. Да и не собирался представлять. Зачем мучить себя прогнозами заранее? Все будет каким-то определенным образом и не иначе, и если преждевременные думы не дают ни малейшего результата, то и думать об этом, стало быть, напрасно.

– Я отдам ему книгу, и мы немного обсудим его завтрашний реферат, – придумал на ходу Александр, чтобы прибавить времени к выдуманной встрече и заранее оправдать все столкновения с Никитой Данилиным обсуждениями рефе-

рата Ивана.

Ложь эта была ужасна. Омерзительна! Каждое слово, которое говорил Александр, словно камнем лезло из его гортани. Ему не хотелось придумывать небылицы и, тем более, их говорить, но сказать правду не мог – бабушка слишком слаба сердцем.

– Хорошо, – сказала Анна Владимировна. Постарайся скорее вернуться. Я заварю нам травяного чая на вечер. Нужно успокоить нервы.

– Да, бабуль, конечно. Я быстро, – он поцеловал бабушку в щеку, подошел к книжной полке, сделал вид, что выбирает какой-то определенный учебник, взял с задумчивым видом книгу, оделся и сразу же вышел из квартиры.

Закрыв дверь, Александр выдохнул. Он как будто хотел извергнуть с помощью выдоха из себя всю отвратительность лжи.

«Неужели люди лгут постоянно? Чтобы не навредить или наоборот, чтобы навредить для достижения своей цели?» – размышлял он.

Александр прочитал немало книг, и в каждой присутствовала ложь. Герои книг неустанно лгут, и на ложь эту даже не обращают внимания, как на само собой разумеющееся.

«Ужасно, просто ужасно!» – думал наш герой, надев на лысоватую голову капюшон, и стремительным шагом с учебником в руках, направлялся в сторону кафе по вечерней улице, укутанной осенней прохладой.

Александр подошел к кафе в три минуты восьмого, немного запыхавшийся от скорого шага и чуть покрасневший от морозца. Но никого не было. Зайти внутрь? Юноша сделал шаг в сторону входа. О, нет! Не стоит. Во-первых, это место не для него, а для симпатичных, состоятельных, хорошо одетых и общительных молодых людей, а во-вторых, Данилин сказал быть около кафе, а не в нем. Да и что он там будет делать? Он даже не знает как себя вести в таких местах. Ко всему прочему, карманы его пусты. В таких кафе даже стакан воды стоит как кусок мяса, а кусок мяса как туристическая поездка!

Александр стоял и ждал около входа. Мимо начали проходить посетители, видимо, завсегдатаи этого заведения и кидали презренные взгляды в его сторону. Юношу стал кусать морозец за его некрасивые, скрюченные руки с грубой кожей, он интенсивно тер их друг об друга и дул горячим паром изо рта, припрятав книгу внутрь куртки. Прошло уже минут пятнадцать, а Данилина все еще не было. «Неужели это шутка? И он не придет?» Мысли Александра постепенно унеслись к сегодняшним воспоминаниям, и более всего ему приятно было вспоминать Алену. На них он и остановился. Ее голубые глаза, как у говорящей куклы могли свести с ума кого угодно... а эта улыбка! Просто сказка. И эта сказка жила с ним по соседству! Прекрасная, живая, самая настоящая и добрая! Ему никогда не быть с ней рядом даже за чашечкой чая. Это невозможно. Но Александру было приятно да-

же то, что он иногда ее встречал на лестничной площадке, и она здоровалась с ним! Такое совершенство! И не боится глянуть ему в маленькие, глубоко посаженные глаза разного цвета плюсом ко всему. Она замечательная! Муза, сошедшая с шедевральной картины неизвестного художника! По ее черточкам было видно, что она не просто красавица, а еще и добрый, отзывчивый человек, так как глаза все равно не обманешь, и в них отражаются все недостатки и изъяны человеческой души. У Алены они были чисты как у малютки.

В этих воспоминаниях, которые на лице отобразились глупой улыбкой, Александр перестал чувствовать холод и морозный ветер, перестал замечать всех людей, и прервался он только тогда, когда к кафе с визгом подлетел огромный автомобиль немецкой марки одной из последних моделей, и из нее, гогоча, вышли Данилин Никита и Катя Гришина с их общим товарищем, лицо которого было Александру незнакомо.

– Посмотрите-ка на него! – громко сказала Гришина, – стоит как миленький! – и осклабилась.

– Да куда б он делся! – ответил Никита.

Их товарищ косо глядел на Александра с явно выраженным презрением.

– С кем ты связался, Никит? – спросил он шепотом, но Александр все равно слышал, так как, по большому счету, молодой человек и не боялся, что его услышат.

– С кем надо. Не все же большие дела воротить, Макс!

Нужно и поразвлечься, – сказал Данилин, довольный собой.

Александр молчал, мирно наблюдая за происходящим. Он был спокоен и сам удивлялся своему психическому равновесию. Просто так эта компания его не отпустит, чего-то все-таки следовало бы ждать, и радуется, что скоро все прояснится. Немного пугала неизвестность, которая не может не пугать, но над неизвестностью (применительно к данному случаю) царила абсурдность повода. Александру было непонятно зачем, зачем все это нужно было устраивать из-за какой-то шариковой ручки. Наверное, каждый человек подумал бы: «Зачем я вообще протянул ей эту злосчастную ручку?! И правду говорят: ни одно доброе дело не остается безнаказанным!» Но Саша не жалел. Он вообще ни о чем не жалел. Все просто шло своим чередом, у него была цель – и он ее добивался, не думая о побочных глупостях разного рода. Ему просто хотелось быть полезным. Полезным и справедливым, помогать людям. Верил, что когда-нибудь настанет реальная взрослая жизнь, где люди перестанут обращать внимание на его уродливый облик, и он сможет реализовать все свои добрые намерения.

– Пошли, зайдем внутрь, здесь холодно! – командным голосом сказал Данилин, явно одетый не по погоде, как и его спутники.

Александр встrepенулcя. Ему этого бесспорно не хотелось. Вся компания двинулась вперед. Александр окинул их взглядом, стоя в недоумении. Первой обернулась Гришина.

– Чего стоим? Я что-то не очень поняла. Шевели своими кривыми ногами, – противно сказала она. – Или ты особого приглашения от нас ждешь?

– Катюш, будь немного добрее к нашему гостю. Он гость почетный, – саркастически поддержал свою избранницу Никита.

– Ребят, – вмешался Максим, их товарищ. – Я вообще с трудом понимаю, что вы от него хотите. Вы его хорошо видите? Или может у меня галлюцинации, не отпустившие меня со вчерашней ночи? – пытался пошутить парень.

Видимо, ему рассказали не все. Скорее всего, и вовсе ничего. Да и как он оказался с Данилиным и Гришиной вместе в этот момент – история умалчивает.

–....он же убогий, – продолжал он. – Киньте ему кусок хлеба и отпустите.

– Нет, Макс. Уроды должны знать свое место. Пойдем, – прищурившись, сказал Данилин, словно обдумывая какой-то план.

– Простите, друзья, а нельзя ли....– хотел что-то спросить Александр, но его прервала Гришина и гаркнула:

– Нельзя, придурок. Что ты такой непонятливый-то! Делай что говорят. И мы тебе не друзья!

Все зашли в кафе. Некоторые посетители обернулись, чтобы посмотреть на вновь прибывших, и на их лицах застыла маска изумления. Многие зашептались.

– Здравствуйте, – сказала администратор кафе: симпатич-

ная девушка лет двадцати пяти с аккуратно забранными темными волосами. Ее улыбка была довольно приятной, хоть и искусственной, отработанной и практически застывшей, как на фотографии.

– Привет, Наташ. – Поприветствовал ее Данилин.

Вел он себя активно, весело. В каждом его движении откровенно читалась удовлетворенность жизнью во всех ее сферах. Гришина прильнула к нему и положила одну руку Никите на грудь, будто неосознанно желая показать, что это ее добыча и чтобы никто не смел лишний раз даже смотреть на ее мужчину.

– Вам как всегда? – поинтересовалась девушка-администратор. Все фразы она говорила с этой застывшей и как будто нарисованной улыбкой, но ей было к лицу.

– Нет, не совсем, дорогая. Давай-ка, знаешь что? – Данилин осмотрел зал, прищурился, и демонстративно прикоснулся рукой к подбородку.

– Что, Никита Михайлович? – немного напряженно спросила девушка.

– Ой, Наташ, хватит называть меня Никитой Михайловичем! Пока что это не нужно, – ответил Данилин, – вот если стану твоим непосредственным начальником, тогда еще посмотрим, – Данилин тоже сделал гримасу, похожую на ее, и они оба застыли в двухсекундной улыбке, глядя друг на друга.

Стоит сказать, что помимо того, что Данилин с Гришиной

были постоянными любимыми посетителями этого дорогого кафе, так еще случилось так, что хозяином столь чудного места был друг отца Никиты, которые тоже бывали здесь с завидной регулярностью.

Александр стоял, не обронив ни слова. С того момента как он вышел из дома прошел уже час. И когда закончится эта встреча – неведомо, и, судя по всем словам Никиты, он что-то задумал, и Саша чуть нервничал. Не за себя он опасался, а за бабушку. А ведь она даже не знает правды, а значит – и где его искать, нет и телефона, чтобы она могла это узнать. Александр вздохнул. Обстановка в кафе однозначно ему не нравилась, тут было так много людей, а он всегда был нелюдим, да и мест таких не знал никогда. Хоть Александру хотелось разглядеть здесь как можно больше, просто из любопытства; все же неприязнь к обстановке, ситуации, да и нежелание притянуть к себе лишние затяжные взоры взяли верх, и он отказался от экскурсии взглядом по кафе.

– Знаешь, что хочу? – Данилин плюхнулся в рядом стоящее кресло, Гришина села рядом с ним, не желая ни на секунду с расставаться. – Давай, милая, – обратился он к администратору, – выкинем отсюда весь этот сброд, – Данилин кивнул в сторону посетителей зала.

Девушка вздрогнула.

– Да как же я это сделаю? Здесь уже пол зала. Каждый отдыхает, кто-то ждет заказы.

– Дорогая, ну прости. Надо было заранее тебе сказать,

чтоб ты закрыла кафе, – Данилин сидел в очень уверенной и открытой позе, а Гришина крутилась около него и занимала другие позиции, если ее суженый менял положение. – Прости, что ж поделать. Объяви пожарную тревогу, скажи, что затопили, обворовали, убили,.... – в конце фразы Данилин нецензурно выругался, – придумай, деточка, что хочешь. Я хочу посидеть один. Точнее, не совсем. У нас сегодня особенный день и особенный гость. – Никита сделал жест головой, указывая на Александра, который внимательно слушал каждое слово, и сердце подсказывало ему, что нужно скорее как-то выходить из положения.

От комфортного воздуха в помещении и волнения Саше стало жарко, он расстегнул свою куртку и, забыв, что положил туда учебник, выронил его. Книга заметно для всех упала на пол. Гришина, увидев это, сделала препротивнейшую гримасу удивления, подняв брови и поджав губы, сильно намазанные каким-то специальным блеском, пахнущим не то клубникой, не то смородиной. Эти искусственные запахи и вкусы трудно различимы, похожи один на другой, словно сделанные в одном баке. Только подписи к ним пишут разные.

– Ты, что, debil? – сказала она, – зачем ты припер сюда книжку?

Все громко засмеялись, кроме самого Александра и Наташи. Видимо девушка была озадачена совсем другой проблемой, нежели выпавшим учебником. Она лихорадочно оки-

дывала взглядом зал, и все же, еще надеялась, что Никита соблаговолит отказаться от своей затеи выгнать всех посетителей.

Данилин поднял книгу и оглядел ее.

– Хм, сказал он, скривив губы и кивая головой. – Очень интересно. Что у нас тут? «Преступление и наказание»? – он усмехнулся. – А, нет. Поглядите-ка, ребят. Почти! Уголовное! – практически крикнул Данилин, имея в виду уголовное право. – Ты чего, придурок, – Данилин встал и подошел к Александру, тыкнув ему в лицо учебником, – настолько испугался, что я тебя переломая, что взял с собой учебник по уголовке, чтобы сразу напомнить мне санкцию? Что ж не кодекс то сразу? – в вопросе Данилина была и ироническая усмешка, и злость, и веселость одновременно, но ни одной нотки хорошего намерения.

– О, нет, Никит! – ответил Александр.

– Не называй меня по имени! Твой ужасный рот даже имя мое говорить не достоин.

Александр немного поразился такой гордыне, но внешне показал это исключительно небольшой паузой.

– И все же, – продолжил Саша, – не за этим учебник оказался со мной, история его нахождения при мне будет вам неинтересна.

– Откуда ты знаешь, что мне интересно? – отозвался Данилин, стоя около него.

Рядом в удобных мягких креслах сидели Максим и Катя.

Максим курил какую-то папироску и был этим чрезвычайно доволен, почти уже не участвуя в ситуации, а Гришина сидела и наблюдала за происходящим, то и дело потирая одну руку о другую и желая, видимо, чего-то особенного, определенного.

– Не то что бы неинтересно, просто это личное, – сказал Саша.

Данилин и Гришина рассмеялись. «Личное» – повторили они в унисон, смеясь, а их общий товарищ все курил папироску.

– Наташ, ты разгонишь, в конце концов, народ? – гаркнул на девушку Данилин.

Наташа поняла, что милости ей не ждать и, чуть ли не плача, пошла к посетителям. Зачем она его слушалась – ей самой было неведомо, однако Данилин мог все вывернуть так, такого нагородить ее начальнику (с которым, как уже известно, они в дружественных отношениях), что лучше и проще было согласиться.

«Боже, надо увольняться! Больше невозможно терпеть этот бред» – подумала Наташа и с виноватым видом стала подходить к посетителям, красиво им лгать, чтобы те покинули кафе. Что именно она говорила, было неизвестно, но лгала она, несомненно, искусно, так как ни один гость не был возмущен.

– Откуда у тебя личное? – саркастически спросил Данилин с наигранным вздохом и снова сел рядом со своей воз-

любленной.

– Мне вот тоже это любопытно! – поддержала его Гришина.

– У всех людей есть что-то личное. Люди часто говорят «личная жизнь» подразумевая лишь романтические или супружеские отношения, но, на мой взгляд, понятие это намного шире.

– Насколько же шире? – прищурившись, спросил Никита.

– Насколько захочет сам человек. Хотя если вдуматься в это словосочетание, то можно сказать, что каждая жизнь – личная. Смотря на какое слово делать ударение и чему уделять внимание.

– Ты меня грузишь. Я не хочу это слушать. Заткнись. – Наташ, иди сюда! – обратился Данилин к девушке, которая еще не успела обойти всех посетителей.

Наташа прервала свою деятельность и подошла к Никите.

– Да, – сказала она. Улыбка на ее лице более не наблюдалась. Она враз стала уставшей и немного испуганной, словно жалевшей обо всем на свете, или хотя бы, как минимум, что работает в этом заведении, несмотря на достойную заработную плату. Хорошее кафе – хорошая зарплата. Жаль только, что вот иногда нужно потакать дурным капризам избалованных детей богатых родителей, перешагивая через себя, да и вдобавок, подставляя репутацию кафе. Хозяину вряд ли бы это понравилось, но он поверил бы в эту ситуацию, только при условии, если воочию ее увидел, так как Никита был ма-

стер все перевернуть. Так что жаловаться смысла не было. Себе во вред.

– Сожги эту книгу где-нибудь, – сказал он Наташе, протягивая ей учебник.

– Нет, нет, не нужно, – ринулся Александр за книгой. – Зачем? Чем она могла помешать?

– Да просто так. Чтоб ты не придурился и не разводил тут чересчур умных разговоров, – чиркая зажигалкой, сказал Данилин, не успев отдать книгу, снова прижал ее к себе.

– Оставьте! – крикнул Саша.

– А ты отними! – осклабился Данилин и начал играть, то протягивая книгу, то снова прижимая к себе.

– Мы не дети. Да и если я урод, то это не значит, что нужно издеваться надо мной, – серьезно сказал Александр, не поддерживая предлагаемую игру.

– Даааа? – протянул Данилин, посмотрев на Гришину. – Слышишь, что говорит, нельзя над ним издеваться то! Холить и лелеять нужно, говорит!

– Я не это сказал, – тихо ответил Саша.

Он один стоял перед ними, все сидели, кроме Наташи, до сих пор так же стоявшей и ждавшей очередного вздорного распоряжения. Посетители, к которым она успела подойти, начали уходить, бросая на странную компанию недоверчивые взоры.

Наташа стояла в сильном недоумении. Как только она увидела Александра впервые, легкая волна отвращения ввиду

его наружности коснулась ее, но теперь, наблюдая за обстоятельствами, ее чуть ли не тошнило от поведения Никиты и Кати. Она и сама не была идеальна, все люди грешны: кто-то больше, кто-то меньше. Но, став свидетельницей откровенного абсурда, она бессознательно поменяла отношение к Александру и не знала, как реагировать правильно. Она смотрела на него – ее тонкие темные брови сдвинулись домиком, давая понять всем окружающим, что в девушке пробудилось (вполне возможно долго спавшее, кто знает?) чувство жалости.

«Какой ужас, – подумала Наташа, – взрослые люди. Двадцать лет человеку! Совсем уже ополоумели от денег и вседозволенности!»

– Сожги книгу, красotka, – сказал серьезным видом Данилин и отдал ее Наташе, нагло смотрев на Александра.

– Пожалуйста, – только сказал Саша и встретился глазами с девушкой, которая выражением лица и взглядом дала ему понять, что книгу она не сожжет и когда весь этот маразм закончится, она с удовольствием вернет учебник.

Гришина, которая заметила это невербальное общение, воскликнула:

– Наташ, если не сделаешь, можешь забыть о зарплате и, тем более, премии!

Интересно знать, а кто вообще дал право Гришиной так говорить? У нее-то никаких знакомств среди начальства этого кафе не было, один только ее возлюбленный, да и его

власть в этом заведении была сомнительна и спорна, однако весь персонал его слушался и опасался, а он, в свою очередь, потакал во многом Кате: многое спускал с рук и разрешал ей открывать рот там, где он должен быть плотно закрыт.

Людям свойственно, видимо, сходить с ума от власти, даже если власть эта принадлежит им косвенно. Ко всему прочему, людям также присуще преувеличивать свою значимость и масштабы своей власти. Вы, наверное, не раз замечали как уверенно и вольготно ведет себя самый маленький человек в какой-либо организации, будто на нем все тут и держится. С одной стороны да, маленький винтик в огромной машине может играть существенную роль, однако же, винтик этот легко заменяем и значения огромного не имеет, так как вполне возможно, что он вообще в машине продуман как запасной, так, чтобы был, и не более.

Наташа ушла сначала в служебное помещение, где припрятала в сумку книгу Александра и думала: «Что мне твоя зарплата? Премия! Дура набитая! Прямо сейчас соберу вещи и уйду! Невозможно терпеть этот вздор! Господи, да и что это за человек такой, этот странный парень? Внешне он, конечно, безобразен, однако, самого черта разжалобит, если он увидит, как стебутся над ним эти бездари избалованные! Да, сейчас подойду к остальным посетителям, объясню им все и пойду, а то все равно неудобно перед людьми. И как меня только угораздило сюда устроиться?!»

Девушка немного постояла, чтобы выждать время, буд-

то она занимается тем, о чем ее попросили. Она нервничала, дергалась, ее терзала обида и за себя, и за Александра. Немного успокоившись, она незаметно прошла на кухню кафе.

– Ребят, – сказала она поварам. – Все заказы отменены.

– Почему? – недоуменно спросили они, оторвавшись от рабочего процесса.

Наташа скрестила руки на груди и ответила:

– Данилин тут вместе со своей размалеванной куклой и просто невероятными капризами! – ответила девушка, вдохнула, отвернулась и словно о чем-то задумалась.

– И что, Наташ? – не понимали работники кафе.

– Что, что? Что, что, Наташ? – передразнила их девушка. Она явно была не в духе, что даже весь персонал был удивлен. – То! Сказал разогнать всех! Шоу какое-то устраивает.

– А Машка с Таней нам что-то лепечут про Данилина, то и се, орут, возмущаются, ничего рассказать не могут нормально, – ответили повара, имея в виду официанток кафе.

– Ладно, мне некогда, – Наташа пошла в зал, но при выходе из кухни, остановилась и повернулась к поварам и остальному персоналу:

– Забыла. Если придет Никита или мымра его, скажите, что сожгли книгу.

– Какую? – переглянулись ребята.

– Ой, по уголовному праву, что ли, – зачастила Наташа. – Все, сожгли и все, все!

Вернувшись в зал, девушка первым делом посмотрела на компанию Никиты. Все было по-прежнему. Александр стоял как маленький ребенок перед родителями, держал себя довольно скромно, поза была его закрытой, и явное неодобрение происходящего читалась на его безобразном лице. В креслах, смеясь, все так же сидели Никита и Катя. Максим сидел рядом, как будто спал, раскинув руки по всему креслу и запрокинув голову. Ему, скорее всего, вся эта история была неинтересна или, возможно, причина его спокойствия была скрыта в той выкуренной папироске, на которую даже никто не обратил внимания.

Наташа старалась пройти так, чтобы они ее не заметили и, в конце концов, подойти к остальным посетителям. Тем более их было не так много. Ранее уведомленные Наташиной ложью о мнимом закрытии кафе, уже покинули помещение.

«Все! Дело сделано, – подумала Наташа, когда закончила, – что ж прямо сейчас покидать это гиблое место? Демонстративно?»

– Наташа, красотка, иди-ка сюда, милая, – прервал ее суждения Данилин.

– Прекрати называть ее красоткой, дорогой и милой! Ничего вообще, что я тут? – возмущенным шепотом сказал Гришина Никите на ухо.

Тот игриво взял ее за подбородок и ответил:

– Да, прекрати, любимая. Это ж все стеб. Ты ж сама понимаешь, что она не красотка, да и лучше тебя в мире нет. А

девке-то приятно, шевелится от этого быстрее, – и Данилин поцеловал Гришину в намазанные губы блеском, и от вида этого смачного поцелуя могло вырвать даже того человека, у которого пару дней как пустой желудок!

– Да, Никита Михайлович! – Наташа подошла, держа руки за спиной.

– Я смотрю, все почти разбрелись, тащи-ка нам вкусненького, да побольше.

– Как обычно?

– Ну да, как обычно и плюс давай-ка нам водочки побольше, наверное, – Данилин поглядел на Александра снизу вверх, – да и бутылочку шампанского за особенность случая. Давай, давай, родная, пошевеливайся. И покурить чего-нибудь дай нам интересного.

– Хорошо, я скоро, – процедила Наташа сквозь улыбку, развернулась резким движением и ушла.

«Почему вообще я этим занимаюсь? Этим должны заниматься официанты!!! Прямо сейчас соберу вещи и убегу от этого кошмара! Все, последняя капля!»

– Да ты садись уже, друг наш любезнейший, – язвительно сказал Данилин Александру. – Как тебя по батьке то?

– Александр Николаевич мое имя, – без робости ответил Александр и сел в удобное кресло.

Время тянулось мучительно, ползло гадкой неприятной гусеницей, оставляющей влажный след.

– О, Александр Николаевич! Скажите, пожалуйста, Алек-

сандр Николаевич, Ваш папенька не учил Вас быть вежливым и знать цену каждому поступку? – спросил Данилин с насмешкой.

Гришина сидела около Никиты и с жеманным видом начала красной туфлей на громоздком каблуке, приспустив ее немного с пятки, держа только кончиками пальцев ног.

Последние посетители покинули кафе.

– Нет, он не имел возможности меня этому научить, – отвечал Александр, – но, между тем, я нахожу себя наученным этому.

Все хохотали, не громко, но выразительно.

Александра часто бросало в жар от разных причин. Он был и одет по поздней осени в отличие от всех окружающих (так как они приехали на комфортном автомобиле, не было надобности утепляться – они просто наряжались по моде, чтобы подчеркнуть свой воображаемый статус и привлекательность), и, вдобавок, он постоянно думал о бабушке, которая ждет его дома и простительно заблуждается в том, что внук ее сейчас обсуждает какой-то очень важный реферат.

– Пойдем, пересядем, мне не очень комфортно в этой зоне, около выхода, – сказал Никита командным тоном.

Вся компания беспрекословно встала и последовала за Данилиным, в том числе и Максим, который, очнувшись, будто не сразу понял, где находился, но взглянув настороженным взглядом на Александра, сразу вспомнил все события предшествовавшие этому.

– А, ты еще здесь, – сказал Максим. – И чего только ты натворить мог?

Александр принял вопрос за риторический и не ответил. Тем более он и сам не особо хорошо понимал, что натворил. Все присели за стол, который выбрал лидер компании.

Зал окутал полумрак. Во всем помещении главенствовали спокойные кофейные тона, не слишком темные и достаточно светлые, чтобы они могли успокоить, кажется, любого человека после тяжелого трудового дня, а не угнести его до конца.

– Значит, говоришь, научен? И субординации тоже? – спросил Данилин, закуривая дорогую сигарету.

– Я думаю, чувство субординации мне не чуждо, – ответил Саша, начиная понимать, к чему ведет его собеседник.

На стол начали приносить «вкусненькое» по просьбе Данилина. Бутылку темного, как мед, рома, а также водки и шампанского. Ставили красивые бокалы и лед, что все больше поражало Александра.

– Не чуждо ему! Ублюдок начитанный. – прошипела Гришина. – Ты вообще догоняешь почему ты здесь? – спросила она уже в голос.

Данилин продолжал курить и полностью, по всей видимости, поддерживал вопрос своей спутницы.

– Могу знать, но не совсем могу понимать, – последовал спокойный ответ Саши.

– Слушай, говори нормально уже! Что за построения фраз! «Не совсем могу понимать» – вторгся в беседу Максим, – Че за бред?

– Ага, вот именно! – подхватила Гришина, все продолжая качать ногой, уже на новом месте.

Официант снова подошел для обслуживания их столика.

– Слушай, дружище, а где Наташа? – спросил Никита официанта.

Официант точно вздрогнул от неожиданности вопроса и дрожащим голосом ответил:

– Не знаю....где-то на кухне...вроде ..бы..

– Тащи ее сюда, – приказным тоном сказал Данилин.

Официант удалился и, буквально через несколько секунд, Наташа подошла к столику. Она была явно раздражена. И одета по-другому.

– Оооо, красота, иди-ка сюда, – подозвал ее Данилин, совершив соответствующий жест рукой.

Нормального, полноценного разговора между Данилиным и Александром никак не могло состояться – Никита непрерывно отвлекался, чего-то хотел, заказывал, ему постоянно что-то приходило в голову. То ли он демонстрировал свою состоятельность, то ли вел себя так уже бессознательно по природе своей. Тем более, к слову сказать, зачем он пришел на встречу не один? Ладно с Катей, но зачем с ними присутствовал их товарищ? И зачем Никита привязался к бедной девушке Наташе? Она уже и так достаточно сделала. По

крайней мере, свою работу и даже сверх нее.

– Ты переделалась? – удивилась Гришина, сразу заметившая перемену во внешнем виде из-за всем известной женской внимательности к наружности человека. Данилин заметил это не сразу.

– Уж не покинуть ли ты нас решила? – с поддельной настороженностью поинтересовался Никита.

– Я свою работу сделала. Кафе пустует. Я думаю, могу спокойно уйти, – ответила девушка.

– Да вы ошалели что ли все? Никуда ты не пойдешь. Пустует? Кафе пустует? Ты считаешь, что мы пустое место? – вскочил Данилин и почти кричал на девушку.

– Ее точно нужно лишить, как минимум, премии! – поддержала Гришина, демонстративно разглядывая свой маникюр.

– Давай, детка, переодевайся обратно и дуй сюда. С папиросками. Я просил тебя принести покурить что-нибудь вкусного. – Данилин ритмично хлопал в ладоши. – Давайте, ребята, живее, живее. Что за сервис? Уволить что ли вас к чертям всех бездарей? Вы прекрасно знаете, что это в моих силах!

У Александра начало стонать сердце. Он был невероятно напряжен. Посмотрев на наручные часы, он обнаружил, что уже половина девятого. Два часа как его нет дома. Он стал размышлять: «Бабушка знает, что я хожу пешком. Так. Полчаса туда, полчаса обратно – это час, плюс ко всему обсуж-

дения реферата. То есть, если придерживаться легенды, то мы уже час обсуждаем по деталям реферат Ивана. Ооооо, – протянул он мысленно, – дело скверно. Надобно уходить отсюда поскорее, еще немного и бабушка начнет волноваться, и еще, чего доброго, объявит в розыск! Так, так. Полиция все равно не примет заявления, там нужно как минимум три дня отсутствия. Но что полиция? Она сама с ума сойдет, а волнения ей ни к чему. Совсем ни к чему».

– Итак, на чем мы там остановились? – Спросил Данилин, снова присев.

– На том, что мне нужно говорить проще, – без смущения ответил Александр, быстро вернувшись в реальность от своих мыслей.

– А, да, точно, – вспомнил Данилин.

– Господа, – начал Саша. – При всем уважении ко всем вам, я желал бы ускорить процесс и непосредственно перейти к делу.

Вся компания рассмеялась.

– Неужели сударь торопится? – спросила иронично Гришина.

– Можно сказать и так, однако, я считаю своим долгом разобрать ситуацию, которая привела меня в это место и затем проститься.

– Как же так, Саша? – развел руками Никита. – Неужели тебе не нравится наша компания? – он округлил свои черные бездонные глаза. Каждое его слово, каждые жест, движение

были наигранными, с бросающимся в лицо сарказмом, как ядовитая змея.

– Нет, боюсь, Вы не так поняли, – ответил Саша.

Он понимал наигранность всех кривляний присутствующих лиц, но не вступал с ними в сговор, не передразнивал их. Ему было это и неинтересно, да и делать он этого не умел.

– Мне просто нужно попасть домой как можно скорее, – добавил Саша.

– Аaaa, маменька, наверное, заждалась? – поджав губы и качая головой, язвительно спросил Никита.

– Нет, Вы снова ошибаетесь. – Александр выдержал незначительную паузу. – Мама моя давно умерла.

– Что ж, сударь, *простите!* – ехидно улыбаясь, ответил Данилин, ни грамма не жалевающий, что сказал именно эту фразу. Он специально употреблял некоторые слова, чтобы показать никчемность и ненужность всех используемых Александром выражений.

Снова появилась Наташа, она переоделась и принесла на подносе несколько папирос.

Это кафе было отчасти раем для курильщиков. Профессионалы в своем деле смешивали здесь дорогие сорта табака, добавляя в него особенные ингредиенты, про которые они умалчивали, никому не открывая секрет. Вкус этих папирос нравился всем без исключения, если правильно учесть индивидуальные предпочтения.

– Спасибо, дорогая, – поблагодарил Никита и потянулся за папиросой.

– На здоровье! – ответила Наташа и удалилась.

Катя и Максим тоже взяли по папироске, и все со вкусом их прикурили.

– Угощайся, – сказала Катя, – стеснения здесь ни к чему. Видишь, специально для тебя всех разогнали.

– Нет, премного благодарен, я не курю. – ответил Саша.

– Мы, кажется, говорили о субординации, – вспомнил Данилин и, говоря это, игрался с клубом дыма во рту, задерживая его там, затем пускал отчетливые кольца, умудряясь при этом нормально выглядеть.

– Да, мы затронули эту тему, однако, быстро отошли от нее, – напомнил Александр.

– Ты понимаешь к чему этот разговор? – Никита отпил ром из бокала.

– Да, примерно. – ответил Саша, смотря ему прямо в глаза и немного щурившись от ароматной дымки.

– Отведи от меня свои омерзительные глаза! – обрубил Данилин. – Слушай, как ты живешь вообще с такой внешностью?

– Я думаю, мы здесь собрались не для того, чтобы обсуждать внешний облик. – Александр пытался вывести разговор из этого русла, немного покраснев. Как бы он ни привык к своим природным наружным данным, его впервые спросили об этом в лицо. Несомненно, это было наглостью необычай-

ной, но Александр терпимо отнесся к вопросу, однако, будто испытал стыд за свою внешность.

– Ты будешь отвечать на все наши вопросы за свое неуважение! – огрызнулась Гришина, отпивая душистый ром со льдом.

– Но, простите... – хотел спросить Александр, в чем же выразилось его неуважение, как услышал от Максима:

– Бог простит.

Максим в этой ситуации вообще являлся фигурой странной. Он вроде находился здесь, а между тем, и нет. Весь он был какой-то сильно размягченный, чересчур спокойный, только изредка что-то изрекавший. Может, он по природе был такой, а, возможно, плохо себя чувствовал после вчерашнего дня или ночи. Не зря же он упомянул в одной из фраз про вчерашние галлюцинации. Но Александру было некогда составлять его психологический портрет и разбираться в причинах поведения. Хотя, этот человек напоминал пиявку, паразита, жившего за счет чужого организма. И организмом этим был Никита. Создавалось впечатление, что он здесь только для того, чтобы выпить рома, да покурить вкусную папироску. Сейчас его состояние улучшится и он покинет помещение, сделав вид, что ему кто-то позвонил; возможно, останется, если некуда будет идти или же здешняя обстановка покажется ему веселее какой-либо другой.

– Короче, чувствую я, что гость наш дорогой не понимает о чем я, – сказал Данилин, принимая удобное положение

с бокалом рома. — Я понимаю, что повод нашей встречи довольно глуп. Ручка эта... Но, я думаю, ты понимаешь, что дело совсем не в ручке?

— Примерно, — кивнул головой Александр и вновь поглядел на часы.

— Чего ты пялишься на них все время? — дерзко спросила Гришина. — Будешь тут сидеть, пока мы тебя не отпустим.

— Это точно, — согласился Никита. — Я не думаю, что ты уйдешь скоро. Но, как получится.

— Что же должно получиться? — чуть взволнованно спросил Александр.

— Увидишь. Хорошие секреты не открываются сразу, — последнюю фразу Данилин и Гришина сказали одновременно и громко, затем поцеловали друг друга.

Между тем, в зале, в укромном и незаметном месте стояла Наташа и наблюдала за происходящим, скрестив руки на груди и постоянно кусая губы. Она размышляла о том, осмелиться ли ей все же покинуть заведение сейчас или подождать пока закончится это гнусное представление? Выход тут один, и они в любом случае заметят ее бегство. Значит, нужно подождать, но девушка была решительно настроена уволиться отсюда навсегда!

— Ребята, мне действительно нужно домой. У меня... — он хотел сказать про Анну Владимировну, но решил не продолжать, так как был твердо уверен, что такое признание не даст желаемого результата.

– Что? Что у тебя? Свидание? – поинтересовалась с надменной насмешкой Катя, делая последний глоток рома.

– Наверное, можно выразиться и таким образом. Смотря в каком контексте рассматривать слово «свидание» – вздохнув, грустно сказал Саша, совсем уже потерявшийся в серо-белой ароматной дымке, пахнущей одновременно и благородством, и грехом.

– Слышь, ты, контекст! Реально надоело слушать твой бред, – обозлился Данилин. – Закуривай папиросу.

– Я не курю, – изумленно повторил Александр.

– А мне кажется, что куришь, – настаивал игривым голосом Данилин.

Гришина давилась собственным смехом. Максим продолжал пить ром, курить и спокойно наблюдать за бесплатным представлением с невероятным уродцем в главной роли, иногда улыбаясь, поддакивая и ухмыляясь.

– Нет, Вам кажется. Я никогда не курил. – Ответил Александр, начиная волноваться.

– И не пил? – скривив рот и покусывая губу уже без помады, спросила Гришина.

– И не пил. Никогда.

– Что же, по такому случаю открываем шампанское! – Данилин, схватил закупоренную бутылку, искусно открыл ее и с лихвой разлил по фужерам, по которым стремительно побежала шальная пена шампанского.

Александр удивлялся и точно не знал как себя вести. Да и

что все это значит? Он хоть и не думал о встрече с Данилиным, старался не представлять ее результата, но такого развития событий и предугадать не мог, даже если и думал бы. Здесь однозначно есть какой-то подвох. Чего они хотят?

– Бери фужер! – скомандовал Данилин.

В голове Александра за доли секунды пробежало сразу множество мыслей. Отравленным оно быть не может, хотя кто их знает? Конечно, он не никогда не пил алкогольных напитков, но наигранная торжественность момента угнетала его, все стояли перед ним и ждали, пока он поднимет фужер. И Александр поднял его.

– Что ж, и тост не мешало бы! – сказал Никита.

Гришина сделала жест рукой в сторону Александра, ожидая от него речи.

Отпираться не было смысла, только заново вызывать смех. И он сказал, стараясь не глядеть никому в глаза, держа фужер скрюченными руками с обветренной кожей:

– Не знаю, что говорят в таких случаях, но я хотел бы выразить благодарность сотрудникам кафе, они хорошо работают.

– Ой, ну что за бред! – вмешалась Гришина. – Хорошо работать – это их работа. Тем более, я так бы не сказала. Что, первый тост в жизни за обслуживающих блох?

«Ну не тварь ли, а?» – подумала Наташа, которая все сто-

яла и наблюдала, не пропуская ни единого слова.

– Ты разве не рад встрече с нами? – выпятив губу, снова сыграл Никита.

Александр промолчал. Но от него уже никто не ждал ответа, так как под возглас Данилина «За столь необыкновенную встречу» раздался звон фужеров.

Вкус хорошего шампанского захватил Александра, он закрыл глаза от удовольствия. Странно. Он думал, что оно вызовет у него отвращение, но случилось наоборот: пузырьки алкогольного напитка играли с ним, заполнили все, что было им подвластно, и обволокли своим привкусом принадлежавшее им пространство.

– А теперь по папироске, Александр Николаевич! – выкрикнул Данилин.

– Нет, нет, я не курю. Простите, – снова ответил Саша.

Александру показалось, что даже от этого небольшого глотка шампанского у него чаще забилося сердце, чувства обострились, и он стал отчетливее ощущать и дым вокруг себя, и саму обстановку: каждое слово теперь казалось громче.

«Что-то мне не нравится такой эффект, – подумал Александр. – Видимо, за волшебным вкусом таятся именно такие последствия! Ооо, а потом еще сильнее! Нет, всё! Максимум допью этот фужер, коли начал и не более! Я пришел сюда не за этим!»

– Не прошу, – всё настаивал Данилин, – кури! Ты же хочешь быть как мы, не правда ли? – и Данилин заглянул в ли-

цо Александра.

– Нет, почему Вы так думаете? – спросил Александр, подняв голову, но встретившись взглядом с Данилиным, опять-таки опустил ее.

– Разве? – спросила Гришина.

– Мы уже раз в третий начинаем говорить о субординации. – Сказал Данилин, снова наливая себе и Гришиной ром. – Понимаешь ли ты... – он задумался. – Хотя вроде б ты не тупой, понять должен. Вот прикинь, – он посмотрел на Александра, – ты работаешь где-то, неважно где, аб-со-лю-тно! Работаешь себе, работаешь, там своя иерархия есть, она везде есть. И тут у тебя резко случается понос! Вот понос и всё! – Данилин развел руками и медленно моргнул.

Гришина чуть не выплеснула ром изо рта от смеха, поспешно сглотнула и с удовольствием рассмеялась, открыв свой рот настолько широко, что был виден нёбный язычок.

– Не, ну у кого не бывает? Хоть однажды, но твой зад тебя подведет, – продолжал Никита, – я, конечно, не в самом плохом смысле слова, – Данилин вошел во вкус и выделял некоторые слова так, чтобы поддерживать волну шутливости.

– Вот у тебя, Александр Николаевич, был понос? – спросил он.

Александр снова покраснел. Как будто не за то, что такой недуг действительно у него когда-нибудь приключался, а за самого Данилина, который имел наглость так открыто об этом спрашивать.

– Ну же! – настаивал Данилин.

– Да, был, – ответил Александр и все синхронно поморщились, хотя сами же привели к такому ответу. – Только при чем тут все же моя работа, на которой я якобы работаю? – Саша пытался не терять самообладания.

– Ну смотри. На твоей воображаемой работе у тебя есть непосредственный начальник, у твоего начальника есть свой начальник, они решают между собой совсем другие вопросы, нежели с тобой, а у того начальника тоже есть начальник и так можно о-о-очень долго перечислять.

– Я понял Вашу мысль, – сказал Александр.

– А ты пей, пей, дорогой, – сказал Данилин, заметивший, что Александр сделал только один глоток, а фужер так и недопит. – Сейчас еще и покурим наконец-то уже.

– Так вот ты стоишь, покрытый весь потом, красный! Тебе очень хочется быстрее избавиться от того, что у тебя накопилось внутри! Да и вообще, если оценить силу поноса, то нужно домой. А чтобы уйти домой, что нужно сделать?

– Наверное, попросить разрешения уйти, отпроситься? – предположил Александр.

– Умница, – воскликнул Никита. – Ты пей, пей.

Александр отпил еще немного шампанского, тем более, он все равно решил допить впервые ему налитое.

– Отпроситься, – продолжал Данилин. – К кому из всех мной названных ты пойдешь с проблемой поноса? Может, сядешь в такси и рванешь к генеральному директору тво-

ей несчастной конторы? Приедешь и начнешь, ворвавшись к нему в кабинет: «Вот таки дела, понос, отпустите меня, срочно нужно!»

Александр все больше хмелел от смешной дозы шампанского, изрядно надышавшись табаком.

– Нет! – сам ответил на свой вопрос Данилин, откинувшись назад. – Ты, хоть и придурок, пойдешь к своему непосредственному начальнику, которые только и может, что решать вопросы такого дерьма. – Данилин сопровождал эту фразу жестом указательного пальца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.